

УДК 82-1 (17.82.10)

Е. А. Сафонова, М. А. Хатямова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЕРТИ В ЛИРИКЕ Н. ОЦУПА

Анализируется лирика поэта русского зарубежья Николая Оцупа. На материале стихотворений 1930-х гг. рассматривается ведущий в лирике Н. Оцупа мотив смерти. Поэт многое заимствует у Г. Иванова и Г. Адамовича, но в то же время его лирика глубоко индивидуальна. Пронизанные мрачными предчувствиями, экзистенциальными мотивами, произведения поэта 1930-х гг. тем не менее уже содержат предпосылки религиозного подъема, характерного для творчества Оцупа 1940–1950-х гг.

Ключевые слова: Литература русского Зарубежья, лирика Н. Оцупа, мотив смерти, экзистенциализм.

Категория смерти – постоянный предмет философской рефлексии и поэтического переживания писателей и поэтов первой волны русской эмиграции. Отношением к смерти как неминуемому определяется у художников и отношение к жизни и творчеству.

Поэты понимали смерть как выход из оков действительности, но по-разному трактовали метафизику смерти, трансцендентность за гранью земного бытия. Недаром В. Смоленский на вопрос «Как живешь? как поживаешь?» неизменно отвечал: «Медленным смертием» [1, с. 258]. Его стихотворения полны драматизма: «Какое мне дело, что ты живешь / Какое мне дело, что ты умрешь. / И мне тебя совсем не жаль – совсем! / Ты для меня невидим, глух и нем» [2, с. 339].

Участник белого сопротивления И. Савин посвящает стихотворения погибшим братьям Борису и Николаю, сестрам Нине и Надежде: «Одна догорела в Каире, / Другая – на русских полях. / Как много пылающих плах / В бездомном воздвигнуто мире!» [2, с. 39].

Б. Божнев относится к смерти иронично (стихотворение «В толпе я смерть толкнул неосторожно»), у него нет страха смерти: «По кладбищу хожу веселый, / С улыбкой светлой на губах» [2, с. 54]. Мир как закрытый гроб представлен в стихотворениях Ю. Одарченко («Есть совершенные картинки» [2, с. 370]). Как заклинание звучит стихотворение Д. Кнута «Я не умру»: «Не может быть, чтоб – без меня – земля, / Катясь в мирах, цвела и отцветала, / Чтоб без меня шумели тополя, / Чтоб снег кружился, а меня не стало!» [2, с. 319]

В 1930–1940-е гг. многих поэтов-эмигрантов настигла физическая смерть. В поэзии А. Штейгера преобладают мотивы отчаяния, грусти, одиночества. Штейгер предчувствовал собственную скорую кончину: «Жизнь груба. Чудовищно груба. / Выживает только толстокожий. / Он не выжил. Значит – не судьба. / Проходи, чего стоять, прохожий» [2, с. 227] («Кладбище», 1939). Через пять лет поэт умер от туберкулеза.

В 32 года от отравления наркотиками умер Б. Поплавский, читатели чувствовали, что он дви-

жется к неумолимому концу. Б. Поплавский отрицал бессмертие души, но при этом призывал к сладостному приятию смерти: «Не смотри на небо, глубоко. / Гаснет желтый свет. / Умирать легко и жить легко – / Жизни вовсе нет» (1931) [2, с. 487].

Для многих поэтов-эмигрантов смерть являлась желанным избавлением от земных страданий. Ср.: В. Мамченко: «Все равно, все умрем как-нибудь! / Чтоб жалеть – для себя говорю, / Потому что я смертью горю, / Потому что мне хуже не будет» (1933) [2, с. 476]. Частотен у молодых поэтов мотив самоубийства: «Веревка, стул и крепкий крюк, / Друзьям последняя записка. / Скажи, не будет больше мук, / Скажи, ведь ты теперь так близко» (Л. Ганский) [3, с. 6]. Несколько выделяется точка зрения И. Чиннова, который относился к смерти лишь как к теме поэзии [4, с. 8].

Творчество младоэмигрантов характеризуется обилием реальных и потенциальных смертей. Ранняя смерть объединила разных по эстетике и географии проживания поэтов. Молодыми ушли из жизни И. Савин, И. Кнорринг, Н. Гронский, В. Диксон, Б. Новосадов, С. Шарнипольский. Покончили жизнь самоубийством Ю. Одарченко, С. Сергин, М. Щербаков, И. Болдырев, М. Цветаева.

Б. Буткевич умер от истощения. Б. Вильде, Л. Кац, И. Британ расстреляны. В лагерях умерли Мать Мария, Р. Блох, М. Горлин, Е. Гессен, Ю. Мандельштам, Л. Райсфельд, Ю. Фельзен, И. Фондаминский (Фондаминский).

Ключевые мотивы оппонента «парижской ноты» В. Ходасевича – раздвоение души и тела и мотив смерти. Ходасевич не просто предчувствует смерть, он томится «горьким предсмертьем»: «...Уж давно меня клонит к смерти, / Как вас под вечер клонит ко сну» [5, с. 6]. К 1930-м гг. для В. Ходасевича настала «творческая смерть» – он перестал писать стихи. За поэтическим молчанием вскоре последовала физическая смерть.

Лидер «парижской ноты» Г. Адамович прожил долгую жизнь. В 1930-х гг. мотив смерти главный – в его лирике: «Из-за бесконечного эфира, / Из-за всех созвездий и орбит, / Легким голосом иного мира / Смерть со мной все время говорит»

[2, с. 161]. Поэт религиозного мироощущения к концу жизни пришел к скептицизму и нигилизму.

Долгую жизнь прожил и другой поэт – Г. Иванов. В 1930 г. он написал одно из самых известных среди эмигрантов стихотворений: «...Хорошо, что – никого, / Хорошо – что ничего, / Так черно и так мертво, / Что мертвее быть не может / И чернее не бывать, / Что никто нам не поможет / И не надо помогать» [2, с. 217] («Числа» № 1).

В 1938 году Г. Иванов издал поэму в прозе «Распад атома», явившую мрачную реакцию на смертный и обезбоженный мир. «Распад атома» был написан в один год с «Тошнотой» Ж. П. Сартра и «Калигулой» А. Камю – очевидна мировоззренческая близость с французскими экзистенциалистами [6, с. 183]. Через провокацию и агрессию акцентируется внимание на главном для экзистенциального сознания – смерти. Герой «Распада атома» ощущает дыхание разложения как постоянный сладковатый привкус во рту. Искусство терпит поражение – накануне Второй мировой войны Г. Иванов утверждает невозможность гармонией искусства преобразить абсурдный хаос существования [6, с. 183]. С годами минорный тон стихотворений Г. Иванова только усилится, в предсмертном сборнике «1943–1958. Стихи» поэт все так же пишет о мировом уродстве, ведущими мотивами книги являются самоотрицание, отвержение человеческого бытия, искусства, религии.

В поэзии Николая Оцуца 1930-х гг. мотив смерти тоже является одним из ведущих. Отношения Н. Оцуца к смерти сформировались под влиянием европейских и русских философов. Ф. М. Достоевский писал: «Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие» [7, с. 195]. В отличие от экзистенциального мировидения, в русской православной традиции – «смерть – великое таинство, рождение человека из земной, временной жизни в вечность» [8, с. 17]. Главное место в размышлениях о смерти занимает идея воскресения.

На протяжении жизни отношение поэта к смерти менялось. Анализируя мотив смерти в творчестве Н. Оцуца 1920-х гг., Б. Поплавский писал: «Жалость к другим, сама способность жалеть отравлена у Оцуца ощущением прозрачности страдания» [9, с. 165].

Современный исследователь Н. В. Зиновьева считает, что «в 1930-х гг. Н. Оцуп маркирует онтологическую поврежденность человечества, утратившего свое изначальное бессмертие. Смерть предстает как последний финал в экзистенциалистском понимании. Смысл бытия открывается, находясь в пограничной ситуации. В поэзии Оцуца отражено предощущение конца русской и эмигрантской культуры. В этом он сближается с петербургскими поэтами Г. Ивановым и Г. Адамовичем» [4, с.10].

Стихотворения начала 1920-х гг. отражают кровавые события пореволюционных лет, но поэт описывает «умирающий Петербург», оставшийся в прошлом, поэтому не испытывает страха смерти. Поэма «Встреча» (1928), посвященная духовному озарению, – встрече поэта с богом – сигнализировала о становлении христианских представлений поэта, во многом обусловленных влиянием любимой женщины (жены Дианы Карен). Для стихотворений Оцуца 1930-х гг. мотив смерти вновь становится определяющим. В Германии и некоторых странах Европы к власти пришли праворадикальные режимы, проводящие антисемитскую политику. Начались массовые преследования евреев. Оцуп опасался за собственную жизнь и жизнь близких, поэтому смерть изображается им в негативных тонах. В его поэзии 1930-х гг. смерть предстает как страшная неизбежность, наступающая все живое.

Смерть изображена Оцупом как холод, стужа, лед, «бездушный океан с едкими волнами» [10, с. 125]. Мотив смерти семантически связан также с темнотой – тенью, вечерним дымом, ночью и тяжестью – камнями на могиле («Друг мой, раньше, чем тебя не стало»).

В лирике Н. Оцуца 1930-х гг. звучат мотивы, характерные для представителей французского экзистенциализма («Не только в наш последний час», «Сердце, старишься ли ты», «Среди друзей, среди чужих»). Жизнь на земле – жалкое, безрадостное существование. Лирический субъект страшится смерти как перехода в «небытие», но в то же время понимает, что со смертью его страдания не прекратятся: «Горы осенние, / Сжатая рожь, / Стань на колени и / Помни – умрешь...» [10, с. 116].

«Как можно запретить кому бы то ни было говорить и думать о смерти? Кто может установить дозы, в которых о ней позволительно писать? Кому дано знание всего, что есть смерть?» – спрашивал Оцуп в одной из статей, опубликованной в «Числах» [11, с. 160]. Первый журнал «Числа» открывало программное стихотворение Н. Оцуца, в котором смерть представляется как переход в «ничто»: «Не только в наш последний час / Смерть главное для нас. // Во всем, что не имеет дна, / Всегда присутствует она, / А где помельче глубина, / Нам тень ее видна» [12, с. 23]. Стихотворение объясняет латинское высказывание «Memento mori» – помни о смерти. Перед лицом смерти человек начинает ценить собственную жизнь, однако о смерти нужно думать не только в свои последние минуты. Незримое присутствие смерти придает смысл земному существованию.

В стихотворении «Сердце, старишься ли ты» Оцуп использует классическое сравнение сна и смерти, мотив сна воплощается через сопоставле-

ние загробного существования с последним сном: «Сердце, старишься ли ты, / Или в кухни кран открыт – / Что-то мне из темноты / Однотонно говорит // Об утраченных, увы, / О – которых больше нет, / О сиянии Невы / Там, где университет. // И о чем еще? О том, / Что былого не вернуть, / Что уснуть последним сном / Надо же когда-нибудь» [10, с. 124].

Текст Оцуа является сознательной вариацией стихотворения Г. Иванова: «Перед тем, как умереть, / Надо же глаза закрыть. / Перед тем, как замолчать, / Надо же поговорить. // Звезды разбивают лед, / Призраки встают со дна – / Слишком быстро настает / Слишком нежная весна. // И касаясь торжества, / Превращаясь в торжество, / Рассыпаются слова / И не значат ничего» [12, с. 14]. Переключки поэтов не сводится к паре деталей, а имеет системный характер. Сходства очевидны: четырехстопный хорей, 3 катрена, 12 строк, перекрестная рифмовка, мужская рифма, отсутствие местоимения «я», наличие глаголов неопределенной формы. Обращает на себя внимание совпадение лексем *надо же*, используются однокоренные слова *говорит – поговорить*, слова одного ассоциативного ряда *темнота – звезды*, перифразы *уснуть последним сном – закрыть глаза перед смертью*. У Г. Иванова отвлеченные медитации: *призраки встают со дна*. Оцуа более конкретен: его воспоминания связаны с *Невой и Петербургским университетом*. Он употребляет эллипсисы *об утраченных, о которых больше нет*, что придает стихотворению черты разговорного стиля.

Иванов использует метафоры и эпитеты: *нежная весна, прикасаясь к торжеству, звезды разбивают лед* (аллюзия на стихотворение М. Кузмина «Форель разбивает лед»). Поэзия Оцуа астрочична, он использует бытовую деталь: *в кухне открыт кран*. Поэт прибегает к силлепсису – синтаксически объединяет семантически разнородные словосочетания *сердце старится* и *в кухне открыт кран*. Для Оцуа однотонный стук (шум) воды из-под крана аналогичен звучанию больного сердца. В 1930-х гг. у поэта усилилась серьезная сердечная болезнь (об этом на основе архивных документов пишет искусствовед Е. П. Яковлева) [13, с. 537].

Г. Иванов прибегает к анафорам и повторам: *перед тем, надо же, слишком, торжество*. Повторяющиеся слова скрепляют строки в единое целое. Предыдущая строка создает фон для следующей, однако в конце стихотворения нет повторов. Это намеренно разрушает целостную композицию, показывая скептическое отношение автора к словесному искусству и пустым предсмертным разговорам. Как и произведение И. Анненского «Ты опять со мной» [14, с. 128], стихотворение Г. Иванова за-

вершается лирическим переживанием смерти слова [15].

Н. Оцуа тщательно продумывает инструментальную стихотворения, он использует аллитерацию и консонанс – повторяет в словах звуки [т], [шт], [тс] для передачи звука воды, прибегает к ассонансу – звук [а] в начале строф для смягчения эффекта стука.

У Г. Иванова антитезой воспоминаниям прошлых лет является весна – символ обновления, но весна не радуется, а, наоборот, вызывает опасения: будущее ассоциируется с новыми бедствиями. Оба поэта находятся в зрелом возрасте, вспоминают жизнь перед своим уходом и не надеются на лучшее. Стихотворения Г. Иванова и Н. Оцуа отражают близость жизненных переживаний. Возможно, эти стихотворения повлияли на создание известного стихотворения Р. Блох «Чужие города», которое положил на музыку и пел А. Вертинский: «Принесла случайная молва / Милые, ненужные слова: / Летний сад, Фонтанка и Нева. // Вы, слова залетные, куда?» [16, с. 290]. Поэтесса пишет о ненужности воспоминаний в эмиграции, о боли, которую вызывают мысли и слова о России.

Оцуа рассуждает о сердечной муке и людском одиночестве, продолжающемся даже после смерти: «Среди друзей, среди чужих: / „Да что я спорю? Все равно!“ – / Ты шепчешь, вглядываясь в них... / И как раскрытое окно / Дождя и листьев дрожь и звук, / Ты слышишь сердца грустный стук: // „Друг друга ты, и та, и тот/ Не знать до самой глубины / (Глаза блудницы, голос лжет!“) / Навек, навек обречены...» // Как если бы из гроба в гроб / Стучался к мертвецу мертвец, / И призывал, и доски скреб – / Таков, увы, язык сердец» [10, с. 127].

Поэт становится в позицию стороннего наблюдателя, не случайно, как и в мини-цикле В. Ходасевича «Из окна» из сборника «Тяжелая лира», лирический субъект смотрит на мир из раскрытого окна. Здесь, как и в стихотворении «Сердце, старишься ли ты», Оцуа также прибегает к аллитерации звука [т] для передачи стука больного сердца, похожего на звук осеннего дождя. Сердце является одним из основных символов, к которому обращается поэт в зрелом творчестве.

В данном стихотворении стирается антитеза друзья – чужие, все люди оказываются одинокими и отчужденными друг от друга. Вместо конкретных указаний поэт часто использует неопределенные, указательные или определительные местоимения, подчеркивая обобщенный признак предметов. Ср. «...Видит ясно всех других, / Что-то делающих где-то, / И до слез жалеет их / И себя за то и это» («Дело неизвестно в чем») [10, с. 123]. Или: «И того, и другого, и третьего, / И чего-то не надо живому, / После этого как не жалеть его /

По дороге к последнему дому» [10, с. 143]. В стихотворении «Среди друзей, среди чужих» поэт применяет местоимения «ты, та, тот», подчеркивающие одинаковость людей, схематичность их бездуховной жизни.

Местоименно-разговорная неформальность создает эффект интимности. Простоватые подрифменные *та – тот, то и это* использовали еще А. С. Пушкин в шуточном мадригале Россет-Смирновой и И. Анненский («Тоска вокзала», 1910). В эмиграции инструментарий языковой игры поставили на службу экзистенциальным смыслам В. Ходасевич и Г. Иванов [17, с. 186]. Ср.: «А дальше? Музыка и бред. / Дохнула бездна голубая, / Меж «тем» и «этим» – рвется связь, / И обреченный, погибая, / Летит, орбиту огибая, / В метафизическую грязь» (Иванов Г., 1932). «Так иль этак. Так иль этак. / Все равно. Все решено. / Колыханьем черных веток / Сквозь морозное окно» (Иванов Г., 1934).

Н. Оцуп и Г. Иванов переводят комический план текста Пушкина в серьезный. С помощью местоимений поэты показывают бесперспективность любых житейских вариантов. Отрицание возможности перемен, безысходность и безразличие – главные темы Г. Иванова. Оцуп тоже пишет о фатальной предрешенности жизни каждого человека.

В произведениях «От запаха настурций на газоне» и «Идти, идти в заботах и слезах» Оцуп использовал «абсолютное» и «экстенсивное» инфинитивное письмо (термины А. Жолковского), в стихотворении «Среди друзей» поэт предпочитает локальный эффект. Во втором катрене, нарушая грамматический строй предложения, Оцуп неожиданно использует глагол в инфинитивной форме *не знать*, отказываясь от уточнения времени – ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем люди не будут близки друг другу. После смерти ситуация не изменится, поэт не верит в возможность единения двух сердец и настаивает на вневременном одиночестве людей. Обреченность людей подчеркивает повтор слова-классификатора *навек*.

Кульминацией стихотворения является последний катрен, в котором живые люди сравниваются с мертвецами, стук человеческого сердца аналогичен скрежету мертвецов в гробах. Сравнение живых людей и мертвецов восходит к традиции А. Блока, его циклу «Песни ада» из сборника «Страшный мир», и даже Н. В. Гоголя. В стихотворении «Унижение» А. Блок описал будничную сцену продажной любви – Оцуп пишет о лживой блуднице. Люди остаются глухими друг к другу, они забыли о естественном чувстве любви и надели на себя личину.

Нельзя не обратить внимания на явное сближение в восприятии окружающего мира петербургских поэтов Н. Оцупа и Г. Иванова, но если Г. Ива-

нов с годами углубляется в минорную безнадежность, то Оцуп со дна отчаяния всегда ищет возможность выхода к свету. Лирика Г. Иванова все более сближалась с идеями французских экзистенциалистов. В стихотворениях Оцупа 1930-х гг. («И добродетель так слепа», «В жизни, которая только томит», «Все будет уничтожено, пока же», «Когда лиловый дым вечерний», «Почти упав, почти касаясь льда») уже намечен переход от типичной экзистенциальной обреченности к неуверенному проблеску надежды. Несмотря на то что жизнь является томлением, бессознательная воля к жизни заставляет людей вновь и вновь искать любви и счастья. Смерть и забвение маячат впереди, но нужно бороться с пессимистичными настроениями, находить в себе силы для борьбы с сомнениями и страхами.

Как бы трудна ни была жизнь на земле, человек не должен желать смерти: «В жизни, которая только томит, / В небе, которое только зияет, / Что же к себе человека манит, / Словно свободу и мир обещает? // Вам не хотелось в прохладе полей / Или в вечернем дыму раствориться? / Вы не искали могилы своей? / Но отчего же, не в силах молиться // И не умея томленье прервать, / Мы обольщаемся снова и снова / И, безрассудные, ищем опять / Дружбы и нежности, света земного?» [10, с. 129]. Нельзя не обратить внимания на частое использование поэтом местоимения *мы*. Оцуп принципиально подчеркивает единение с судьбой целого поколения.

Поэзия Оцупа 1930-х гг. декларативная и ораторско-декламационная. В стихотворении «В жизни, которая только томит» много риторических вопросов, делающих речь выразительной и эмоциональной. Первый катрен начинается с синтаксического и лексического параллелизма. Автор сопоставляет явления жизни и смерти методом их параллельного изображения. Для поэта жизнь и смерть одинаково негативны. На земле человек томится в ожидании последнего пристанища. Образ неба семантически связан с пустотой, зиянием, прохладой, темнотой, дымом. Образ пустого, равнодушного к человеческим страданиям неба встречается у многих поэтов русского зарубежья. Ср. Д. Кнут: «Мы избегаем вглядываться в небо: / В пустыне мира глухи небеса...» [18]. А. Ладинский: «Ты к призрачным, горным зываешь мирам, / К прекрасным, но черным глухим небесам» [19, с. 182].

Смерть становится единственной реальной опозицией человеческому томлению. Но у Оцупа нет представлений о смерти как избавительницы от земных тягот. Как бы ни была тяжела жизнь, поэт никогда не оправдывал самоубийства. «Стоит ли делать самоубийство патентом на благодетельство?»

[20, с. 159], – задавал Оцуп вопрос в одной из своих статей. Финал стихотворения оптимистичен. Несмотря на неистинное, абсурдное существование, человек ищет любовь и духовные основы.

В своих стихотворениях Оцуп неоднократно писал о необходимости духовной работы. Поэт приходит к выводу, что нужно бороться с мучительными сомнениями, искать и находить в себе силы мужественно и прямо взглянуть правде в глаза. Борьба же с мрачными мыслями обязательно будет вознаграждена.

Несмотря на то что для поэзии Н. Оцупа 1930-х гг. характерна экзистенциальная неуверенность (поэт сомневается, прекрасна все же жизнь или уродлива, возможно ли бессмертие), в своем неверии он не так убедителен, как поэты «парижской ноты». Отчаяние поэта не катастрофично, сопровождается светом надежды, который уже не исчезнет из судьбы и творчества Оцупа.

Если в поэзии Г. Иванова и Г. Адамовича 1940-х гг. наблюдается ослабление живого религиозного чувства, то лирика Н. Оцупа периода войны, напротив, отражает радикальную эволюцию духовно-нравственных ориентиров поэта. Суровые жизненные испытания военных лет: тюрьма, неудачный побег, снова концлагерь, повторное бегство и спасение 28 военнопленных, сражение на стороне итальянского Сопротивления были восприняты Оцупом как заслуженное воздаяние за грехи и очищение, а спасение как божье прощение. Смерть больше не страшна поэту: «Я смерти не боюсь, и я дышу свободно» [21, с. 129]. Поэт даже на расстоянии ощущает любовь и поддержку жены, поэтому его стихотворения полны веры в жизнь: «... Только мы в загадки не играем, / Для нас в конце начало: гроб, / И смерти мы не оправдаем, / Не взяв ее атакой в лоб» [10, с. 170].

В 1950-х гг. поэт сравнивает себя с проповедником и настойчиво призывает читателя к христианскому миропониманию. В статье А. Смит «Минутная смерть: последние стихи Н. Гумилева, Н. Оцупа, М. Цветаевой и А. Ахматовой» [22, с. 87] отмечается, что крупные русские поэты всегда предчувствуют свою смерть и, наследуя традиции Г. Державина, А. Пушкина, Ф. Тютчева пишут предсмертные стихи. А. Смит выделяет пророческие стихотворения Оцупа 1950-х гг., бесстрашное принятие поэтом смерти, возвращение к Богу, любви как источнику творческих и нравственных сил. В предсмертных стихотворениях Н. Оцупа мы не найдем ни усталости, ни иронии человека, оказавшегося перед лицом смерти: «... Но перед смертью есть и у меня / Свидетельство почтенного избранья» [10, с. 180]. В противовес «духовному нигилизму» современной западной и эмигрантской литературы Оцуп отстаивает религиозные основы культуры, заповеди добра и любви.

Таким образом, в лирике Н. А. Оцупа 1930-х гг. преобладает экзистенциальная тональность, а ведущим является мотив смерти. Поэзия Оцупа отражает духовный кризис эмиграции, сложные поиски Бога и своей сущности. Оцуп многое заимствует у Г. Иванова и Г. Адамовича и воплощает в своем творчестве позицию, созвучную «парижской ноте», но в то же время его лирика глубоко индивидуальна. Пронизанные мрачными предчувствиями, произведения поэта 1930-х гг. уже содержат предпосылки религиозного подъема, характерного для творчества Оцупа 1940–1950-х гг. От стихотворения к стихотворению усиливаются христианские мотивы, обретают глубину религиозные размышления поэта. Трагическое мироощущение соединяется с позицией стоицизма, художественной ответственности и аскетизма.

Список литературы

1. Берберова Н. Н. Курсив мой: автобиография / вступ. ст. Е. В. Витковского; коммент В. П. Кочетова, Г. И. Мосешвили. М.: Согласие, 1996. С. 258.
2. Поэзия русского зарубежья / сост., предисл., коммент. О. И. Дарка. М.: Слово/Slovo, 2001. 800 с.
3. Стихотворения // Числа. 1934. № 10. С. 6. URL: <http://www.emigrantika.ru/rusparis/343-pom> (дата обращения: 01.04.2014).
4. Зиновьева Н. В. Литературно-эстетическая позиция и художественная практика журнала «Числа»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. С. 8.
5. Струве Г. Тихий ад. О поэзии Ходасевича // За свободу! 1928. № 59 (2391), 11 марта. С. 6. URL: <http://www.hodasevich.su/about/tikhii-ad-o-poezii-khodasevicha.html> (дата обращения: 01.08.2014.)
6. Семенова С. Два полюса русского экзистенциального сознания (Проза Георгия Иванова и Владимира Набокова-Сирина) // Новый мир. 1999. № 9. С. 183.
7. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М.: Азбука, 2013. С. 95.
8. Гречаник И. В. Художественная концепция бытия в русской лирике первой трети XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. С. 17.
9. Поплавский Б. По поводу // Числа. 1931. № 4. С. 165–169. URL: <http://www.emigrantika.ru/rusparis/343-pom> (дата обращения: 01.04.2014).
10. Оцуп Н. Океан времени. Стихотворения. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания / сост., вступ. ст. Л. Аллена; коммент. Р. Тименчик. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 616 с.
11. Оцуп Н. Вместо ответа // Числа. 1932. № 4. С. 160. URL: <http://www.emigrantika.ru/rusparis/343-pom> (дата обращения: 01.04.2014).

12. Стихотворения // Числа. 1931. № 1. С. 23. URL: <http://www.emigrantika.ru/rusparis/343-pom> (дата обращения: 01.04.2014).
13. Яковлева Е. П. Разные судьбы: братья Оцупы // Знаменитые универсанты: очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб., 2005. Т. 3. С. 537–554.
14. Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель, 1990. С. 128.
15. Налегач Н. В. Мотив опустошенного слова в лирике И. Анненского и его развитие в поэзии постсимволизма // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 1/87. С. 104–111.
16. Современное русское зарубежье. М.: Олимп; АСТ, 1998. С. 290.
17. Жолковский А. Так и этак Георгия Иванова («Луны начищенный пятак...») // Звезда. 2007. № 9. С. 186.
18. Кнут Д. Насущная любовь. Париж: Дом книги, 1938. URL: <http://dovid-knut.form.co.il/main.html> (дата обращения: 01.09.2014).
19. Ладинский А. П. Собр. стихотворений / сост., предисл. и примеч. О. А. Коростелева. М.: Викмо-М: Русский путь, 2008. С. 82.
20. Оцуп Н. Из дневника // Числа № 2–3, 1931. № 1. С. 159. URL: <http://www.emigrantika.ru/rusparis/343-pom> (дата обращения: 01.04.2014).
21. Оцуп Н. Жизнь и смерть. Париж: б.и., 1961. Т. 2. С. 129.
22. Smith A. Bypassing Death, Life Creating and Last Poems of Four Russian Modernists: Nikolai Gumilev, Nikolai Otsup, Marina Tsvetaeva, Anna Akhmatova // Australian Slavonic & East European Studies. 2004. Vol. 18, 1–2. P. 87–102.

Сафонова Е. А., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: Safonova_k@mail.ru

Хатямова М. А., доктор филологических наук, профессор.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская 60, Томск, Россия, 634061.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: Khatyamovama@mail.ru

Материал поступил в редакцию 13.04.2015.

Е. А. Safonova, M. A. Khatyamova

INTERPRETATION OF DEATH IN THE LYRICS OF N. OTSUP

This article analyses the Russian emigre poet Nicolay Otsup's poems. In his emigre works death becomes the main motif. The 1930th Otsup's works reflect the spiritual crisis of emigration, the hard search for God and His essence. Otsup borrows a lot from G. Ivanov and G. Adamovich, and at the same time his poems are deeply individual. Poet's existential sufferings have religious connotations and thus lack the last feeling of despair. The 1930th works contain incipency to religious notion, that is characteristic of his 1940th–50th years' works. The poets's route from "the philosophy of tragedy" to "philosophy of hope" explains his postwar fate and Otsup's creative works, poet explains the sufferings, on the verge of the disaster he finds love of life.

Key words: *Russian emigre Literature, lyrics of N. Otsup, motif of death and existentialism.*

References

1. Berberova N. N. *Kursiv moy: Avtobiografiya* [The italics are mine: the Autobiography]. Moscow, Soglasie Publ., 1996. 258 p. (in Russian)
2. *Poeziya russkogo Zarubezh'ya* [Poetry of the Russian Emigration]. Sost., predisl., komment. O. I. Darka. Moscow, Slovo/Slovo Publ., 2001. 800 p. (in Russian).
3. Stikhotvoreniya [Poems]. *Chisla – Numbers*, 1934, no. 10, pp. 6 (in Russian). URL: <http://www.emigrantika.ru/rusparis/343-pom> (accessed 1 April 2014).
4. Zinov'eva N. V. *Literaturno-esteticheskaya pozitsiya i khudozhestvennaya praktika zhurnala "Chisla"*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Literary-aesthetic stance and artistic practice of the journal "Numbers". Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2013. P. 8 (in Russian).
5. Struve G. Tikhii ad. O poezii Khodasevicha [Quiet hell. About poetry of Khodasevich]. *Za svobodu! – For freedom!* 1928, no. 59 (2391), 11 marta. P. 6. (in Russian). URL: <http://www.hodasevich.ru/about/tikhii-ad-o-poezii-khodasevicha.html> (accessed 1 August 2014).
6. Semenova S. Dva polyusa russkogo ekzistentsial'nogo soznaniya (Proza Georgiya Ivanova i Vladimira Nabokova-Sirina) [Two poles of Russian existential consciousness (Prose of Georgi Ivanov and Vladimir Nabokov-Sirin)]. *Novyy mir – New world*, 1999, no. 9, p. 183 (in Russian).
7. Dostoyevskiy F. M. *Dnevnik pisatelya* [The Diary of a writer]. Moscow, ABC, 2013. P. 95 (in Russian).
8. Grechanik I. V. *Khudozhestvennaya kontseptsiya bytiya v russkoy lirike pervoy treti XX veka*. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Art concept of existence in Russian poetry of the first third of the twentieth century. Abstract of thesis dr. philol. sci.]. Moscow, 2004. P. 17. (in Russian).

9. Poplavskiy B. Po povody [In regard to]. *Chisla – Numbers*, 1931, no. 4, pp. 165–169 (in Russian). URL: <http://www.emigrantika.ru/rusparis/343-pom> (accessed 1 April 2014).
10. Otsup N. *Okean vremeni. Stikhotvoreniya. Dnevnik v stikhakh. Stat'i i vospominaniya* [The ocean of time. Poems. A diary in verse. Articles and recollections]. St. Petersburg, Logos Publ.; Dusseldorf, Goluboy vsadnik Publ., 1993. 616 p. (in Russian).
11. Otsup N. Vmesto otveta [Instead of an answer]. *Chisla – Numbers*, 1932, no. 4. P. 160 (in Russian). URL: <http://www.emigrantika.ru/rusparis/343-pom> (accessed 1 April 2014).
12. Stikhotvoreniya [Poems]. *Chisla – Numbers*, 1931, no. 1. P. 23 (in Russian). URL: <http://www.emigrantika.ru/rusparis/343-pom> (accessed 1 April 2014).
13. Yakovleva E. P. *Raznye sud'by: brat'ya Otsupy. Znamenitye universanty: ocherki o pitomtsakh Sankt-Peterburgskogo universiteta*. [Different fates: brothers Occupy. Famous students: essays on the pupils of the St. Petersburg University]. St. Petersburg, 2005. Pp. 537–554 (in Russian).
14. Annenskiy I. F. *Stikhotvoreniya i tragedii* [Poems and tragedies]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990. P. 128 (in Russian).
15. Nalegach N. V. Motiv opustoshennogo slova v lirike I. Annenskogo i ego razvitiye v poezii postsimvolizma [Motif of the devastated word in the lyrics of I. Annenskiy and its development in poetry of postsimvolizm]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of the Ural State University*, ser. 2. 2011. The humanities, no. 1/87. P. 104–111 (in Russian).
16. *Sovremennoye russkoye zarubezh'e* [Modern Russian abroad]. Moscow, Olimp Publ., AST Publ., 1998. P. 290. (in Russian).
17. Zholkovskiy A. Tak i etak Georgiya Ivanova ("Luny nachishhenny pyatak..."). [Either way od George Ivanov ("The moon polished nickle...")]. *Zvezda – Star*, 2007, no. 9. P. 186. (in Russian).
18. Knut D. *Nasushchnaya lyubov'* [The Urgent love]. Paris, Dom knigi Publ., 1938 (in Russian). URL: <http://dovid-knut.form.co.il/main.html> (accessed 1 September 2014).
19. Ladinski A. P. *Sobr. stikhotvoreniy* [Collection of poems]. Moscow, Vikmo-M Publ., Russkiy Put' Publ., 2008. P. 82. (in Russian).
20. Otsup N. Iz dnevnika [From the diary]. *Chisla – Numbers*, 1931, no. 2–3, pp. 159 (in Russian). URL: <http://www.emigrantika.ru/rusparis/343-pom> (accessed 1 April 2014).
21. Otsup N. *Zhizn' i smert'* [Life and death]. Paris, b.i. Publ., 1961. Vol. 2. P. 129 (in Russian).
22. Smith A. Bypassing Death, Life Creating and Last Poems of Four Russian Modernists: Nikolay Gumilev, Nikolay Otsup, Marina Tsvetaeva, Anna Akhmatova. *Australian Slavonic & East European Studies*, vol. 18, 1–2, 2004. pp. 87–102.

Safonova E. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: Safonova_k@mail.ru

Khatyamova M. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: Khatyamovama@mail.ru